

Глава 3

Он взял фляжку, еще раз выпил оттуда, затем вымыл руки, ее лицо, используя и снова используя скомканную влажную салфетку, пока она не стала больше размешивать грязь вокруг, чем вытирать ее. Он отбросил её в сторону. Не стал бы беспокоиться о какой-либо дополнительной чистоте. Он был как собака, подумала Наташа. Большая дружелюбная собака, которая не могла не любить валяться в грязи.

Она издала судорожный вздох и блекло улыбнулась. Клинт пошел поставить фляжку обратно под струю воды, но мозг Наташи работал слишком неэффективно, чтобы установить связь. Она увидела, как он отвернулся, и подумала, что он уходит.

«Не уходи», - сказала она. Ее голос был слабее, тише. Она могла задыхаться.

«Я никуда не уйду», — сказал ей Клинт, большой и уверенный, его голос гремел, как бы тихо ни было. «И ты тоже».

Она была бы беззащитна. Не считая Клинта. Ее приучили никогда ни на кого не полагаться, но сколько раз он полагался на нее? Сначала неохотно, со смесью мужественного высокомерия и настороженного недоверия, затем все менее и менее оговорочно. Он мог сделать это так легко — позволить себе быть беспомощным, признать нужду.

Все они могли. Все в ЩИТе могли положиться друг на друга и доверять друг другу по-своему параноидально, а потом появилась она, волк среди волков. В одиночестве с обеих сторон — скольжение, уклонение...

Он принес ей еще воды. Наташа медленно отхлебнула, убивая жажду прежде, чем заметила это. Она могла положиться на Клинта. Это была другая часть Наташи, ее доверие к нему. И если тоски по тому, что согревало в этой темноте, было недостаточно, чтобы преодолеть врожденный разрыв — ее вдовство — со всем человеческим, тот факт, что это был Клинт в сочетании с этим, построенным на этом, и она могла дышать. Как давно она не могла дышать?

— Не уходи, — снова сказала она, словно только что учила слова, запоминая их заезженным повторением, никакого смысла в слогах, кроме их упорядоченного расположения. Но то, как Клинт посмотрел на нее, как он понял, вызвало внутри нее стесненное чувство, сдавливающее, удушающее, но с расцветающим в нем жаром.

Он лег рядом с ней, двигаясь так медленно, что она почти забеспокоилась, что он сам ранен, так старался не прикасаться к ней, не толкать ее. Он лежал на боку, слева от нее, лицом к ней. Он вытащил правую руку из-под своего тела, направляя ее под ее голову, осторожно приподняв ее череп, чтобы он мог просунуть руку под него, согнул локоть, чтобы его рука оказалась у нее на лице. Он взял ее за подбородок и провел по нему большим пальцем, пальцами по ее взлохмаченным рыжим волосам, снова и снова.

Она была окутана им — лежала на нем, обласканная им, его тело даже прижалось к ней с левой стороны, как щит. Наташа почувствовала слезы в глазах, заставившие ее сморгнуть слезы. Левая рука Клинта поднялась, вытирая пальцы, счищая небольшие русла с ее грязного лица. Пальцы его правой руки обхватили ее подбородок, большой палец погладил ее скулу.

— Я остаюсь здесь, — сказал он так тихо, что она больше чувствовала его телом, чем слышала. «Прямо здесь».

«Я... выеть... Мне нужна салфетка».

Она даже не подозревала, что ее нос будет заложен... все, что она могла надеяться, это то, что Клинт решит, что это из-за боли... он полез в карман, вынул одну из салфеток, которые он... он даже поднес её к её носу вместо того, чтобы дать ей. Чувство в ее животе сжалось, стало теплее и мягче. Она высморкалась, а Клинт вытер ей ноздри и отшвырнул салфетку — они были очень невежественными гостями для того, кто владел этой ветхой лачугой. Наташа посмеялась над собственной мыслью и попыталась рассказать Клинту, но вышло всё по-русски. Клинт шикнул на нее.

«Ш-ш-ш... позже... просто отдохни сейчас. Я прямо здесь. Ты можешь расслабиться. Тебе не о чем беспокоиться. Просто закрой глаза. Закрой их».

Наташа хотела, но не могла. Она смотрела бы в глаза Клинта и видела, как они сияли ей теплом, дружелюбием и заботой о ней. Он готов убить себя, чтобы спасти ее, защитить ее. Ей хотелось бы объяснить ему, какой это будет растратой, но она не могла, и знание того, что его не отговорить от защиты ее при помощи всей логики в мире, всего красного в ее гроттосе, заставило ощущение сжаться в кулак.

Это не душило ее. Оно сжимало что-то внутри нее, какая-то неразделенная печаль, протянувшаяся сквозь нее от костей до пор, только это тепло перемалывало ее, стягивая в один крошечный шарик. Это наполняло ее. Без него она была пуста, и вливалось что-то другое. Все вливалось, наполняя ее: ее доверие к Клинту, ее безопасность с ним, тысячи печалей и сожалений, которые терпеливо ждали своего часа, а она слабо играла руки и попыталась сделать вид, что она не просто так лопнет.

«Тебе нужно поспать», — терпеливо сказал Клинт. «Мы залечили твои раны. Тебе незачем бодрствовать».

Наташа закрыла глаза. Она ощутила странное чувство равновесия, все эти странные новые чувства сливались друг с другом, толкая одно на другое. И самым непреодолимым было простое тактильное ощущение теплоты Клинта, сменявшей ее холодность. Она расслабилась, поверила в это, и все, что требовало внимания, было очень тихим.

— Закрой глаза, — прошептал Клинт — ей показалось, что звук мускулов его челюсти был громче, чем громкость, с которой он говорил. Почти дразня, он положил первые два пальца левой руки ей на лоб и провел ими по ее носу, нежно поглаживая ее ресницы, уговаривая ее

уснуть.

Наташа закрыла глаза и удовлетворенно вздохнула. Ей было больно, миллионы мыслей зывали к ней, но легкие Клинта перекачивались, его сердце билось. Она могла чувствовать его пульс, его дыхание, втягивающее ее в их медленный, гибкий ритм. Его пальцы гладили пряди волос, рассыпавшиеся по ее вспотевшему лицу, отвлекая от нее ее демонов. Это казалось знакомым, но она не могла его вспомнить. И она все вспомнила.

«Па-пу-ля», — произнесла она невнятно и неуверенно, словно родной язык был для нее чужим. «Пап».

«Да, да», — с готовностью согласился Клинт. «Получишь ты свои “папульки”».

Наташа усмехнулась, в последний раз взглянув на его лицо.

«Папуля», — поправила она его.

Ее глаза снова закрылись, на этот раз навсегда. Она чувствовала... сонливость. Не усталая, не измученная, а простое успокоение, успокоение и успокоение, которое сжало энергию во всем ее теле. Не обычное прекращение сознания или резкое прерывание нокаута. Она чувствовала, что засыпает.

«Вот оно», — сказал Клинт, и она могла слышать его только на самом подсознательном уровне. Возможно, ей приснилась его речь. «Вот и все. Спать. Спи, малышка. Ты это заслужила».

«Па... па...» сказала она, и губы ее сложили это слово только по вновь обретенной, захватывающей привычке. Это звучало хорошо. Это звучало правильно. «Па...»

Ее глубокие вдохи сменились еще более глубокими, ее голова была повернута в сторону, а лицо слегка уткнулось носом в голую руку Клинта. Другой рукой он натянул куртку на них обоих, подоткнул ее под тело и придерживал другой конец, чтобы удержать как можно больше тепла.

***

Пока Наташа спала, Клинт отвлекся от нее, осматривая окрестности в поисках признаков жизни. Как бы заманчиво ни выглядела Наташа, желающих нести караульную службу, было не так уж и много.

Наташа издала слегка причитающий звук, и Клинт снова повернулся к ней — она как будто заметила, что его внимание отвлеклось от нее даже во сне. Он провел рукой по ее волосам и слегка помассировал висок, пытаясь выпрямить ее волосы назад, чтобы создать некое подобие моды. Он знал, как ей нравилось быть красивой.

Наташа удовлетворенно застонала, глубже зарывшись лицом в его руку, утыкаясь носом в нее так сильно, что он удивлялся, как она не просыпается от трения о волосы на его руке.

Потом она сделала нечто очень странное...

Медленно двигаясь, пошатываясь, Наташа подняла руку вверх по телу. Клинт почти мог принять это за соблазнительный жест, только Наташа казалась слишком бесхитростной в данный момент для этого. Конечно, обычно это была идея с соблазнением.

Затем она поднесла руку ко рту — эти идеальные губы, которые могли заставить мужчину говорить, жуя кончик карандаша, — и засунула большой палец в рот. Там она слегка стиснула зубы, явно недостаточно сильно, чтобы проснуться, а затем ее щеки впали, прежде чем быстро вернуться в нормальное состояние.

Это показалось Клинту каким-то странно очаровательным.

Он крепко прижимал Наташу к себе, наблюдая за тем, как она сосет большой палец.

<http://tl.rulate.ru/book/403/3885>